

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Иван Верёвкин
Бесчеловечность

Иван Верёвкин

Бесчеловечность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48849827

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-08246-5

Аннотация

Все, что мы делаем – это бесчеловечность. Все, зачем мы живем – это бесчеловечность. Но что останется, если хоть кто-то попытается изменить это? Правильно, бесчеловечность. Прислушайся к эху слова. Ищи его между строк. Все равно не найдешь. Ведь именно так существует бесчеловечность. Она незаметна, и от этого еще более ужасна. Открой бесчеловечность в себе. Найди. Мы одинаковы, и одинаково ужасны. И все же в нас что-то есть. Что же? Правильно. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Один	4
Два	52
Три	60
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Один

Мы договорились встретиться в восемь. Я не видел ее неделю и ужасно соскучился. Нельзя сказать, что наши отношения близились к концу, однако холод сродни тому, что возникает в ноябре из ниоткуда и устанавливает свое господство на следующие полгода, чувствовался все сильнее, он нарастал с каждым днем. Я не понимал, с чем это связано, и угнетающее чувство скорой потери давило на разум, заставляя паранойю, скрывающуюся обычно внутри, выплескиваться наружу. В один момент, когда мы лежали на диване и смотрели никчемные шоу по «ящику», я встал и пошел на кухню квартиры, снятой ее родителями, а внутренний голос, ворвавшийся из тишины, заговорил вкрадчиво, но едко: «Запомни обстановку вокруг – скоро от всего этого останутся лишь воспоминания». Я не придавал тогда этому значения. Паранойя принимала все более странные формы: я начал читать тайно ее переписки в соцсетях, ревновать к любому человеку; если она не отвечала на звонки, я думал о том, что именно в этот момент она изменяет мне, хотя поводов так думать не было. Однажды, когда она долго не открывала дверь домофона, я даже вышел этажом раньше из лифта, чтобы встретить того, в существовании которого я был уверен, но никак не мог это доказать. Естественно, я никого не встретил, но все равно закатил жуткий скандал, на что она

просто ушла в другую комнату и расплакалась.

Невозможно объяснить появление паранойи логически. Я, по крайней мере, за все это время не смог. Любые аргументы в таком состоянии отменяются, как абсурдные, а собственные умозаключения кажутся единственно верными. Это как мысль о том, что ты не выключил утюг, уходя на работу: ты четко помнишь, как штекер прибора находился в твоей руке, а не в розетке, как ты мысленно сказал себе «ага, утюг я выключил, отлично», – итог будет один – бег через квартал, одышка на лестнице, трясущиеся от страха руки перед замком, судорожный поворот ключа, громкие проклятия и ругательства, способные разбудить пожилых соседей снизу, и провод утюга, свернутый в метре от розетки.

Паранойя устанавливает норму. В таком состоянии все происходящее кажется тягучей несправедливостью и кознями высших сил, нет никакого мира до – есть только щемящее ощущение обмана и боязни оказаться правым. Как правило, результатом паранойи является либо опустошение вследствие собственной правоты, либо ненависть к себе за порочные мысли.

Тогда об этом не думалось. Осознание глупости совершенных действий всегда приходит позже – секунда, час, день, месяц, год – у жизни всегда есть преимущество в этом. Если осознаешь глупость действия до того, как все случится, что бы ни было, – ты умнейший человек, приятный и великолепный, готов иметь с тобой дело.

Тогда же мне думалось о том, как она улыбнется мне при встрече, встанет на носочки, чтобы обнять мою не самую крепкую шею, попытается поцеловать, а я немного отстранюсь и, как всегда, скажу: «Девушка, я сам не местный, спросите дорогу у кого-нибудь другого». Это было нашим ритуалом. Я заметил, что у каждой пары действительно влюбленных людей есть свой ритуал. Это может быть что угодно: неудачная шутка вроде нашей, милый поцелуй в ухо, придыхание в духе «ну, и зачем ты пришел?», заливистый наигранный смех и еще сто тридцать четыре варианта пустить человека в свое сердце. Выделить его. Сделать особенным. Заставить его подумать, что только с ним возможно сделать что-то забавное и понятное только двоим. Показать одним действием, что все проблемы – пустяки, не стоящие внимания, потому что я здесь, я с тобой, сейчас мы поговорим, и все будет хорошо.

На часах было восемь:пятнадцать, и я зашел в кафе через дорогу от банка – постоянного места встречи, – чтобы взять два кофе. Внутри было пусто, и девушка-официант молча отвернулась, зная, что я попрошу два латте, и один будет с ореховым сиропом. Я всегда любил это кафе за две вещи – пустоту и молчание. В людных местах мне неуютно. Не люблю повышать голос, чтобы сказать что-то, не люблю очереди, не люблю ожидание, которое всегда является следствием людности. При этом, что может быть приятнее понимающего взгляда, быстроты и получения желаемого без совершения

какого-либо действия, кроме самого нахождения в определенной точке? Привет. Я пришел. Дайте мне, пожалуйста, два кофе, как обычно, я расплачусь и уйду. Спасибо. Спасибо, что запомнили. Каждый человек хочет, чтобы его помнили. Я обязательно зайду еще.

Как только я вышел на улицу, держа два стаканчика кофе в одной руке, – привычка официанта, от которой не избавиться, – начался дождь. Девушка в темном плаще до колен на другой стороне улицы ускорила шаг и накрыла голову папкой документов, видимо, не самых важных, при этом губы ее безостановочно зашевелились в не самых приятных словах, обращенных к природе. Ее можно понять – только-только закончившееся лето выдалось чересчур дождливым, холодным и серым, как будто Питер отдал Москве не только звание столицы, но и погоду. Капли разбивали лужи и проникали в щели асфальта, наполняя пейзаж тоской, будто ее и так было недостаточно. Несмотря на ранний вечер, на улице было пустынно, и только девушка на противоположной стороне улицы, спешащая куда-то, да переменный стук усиливающегося дождя говорили о том, что я не один на планете и существует жизнь, скрытая от ускользающего внимания обывателя.

Ливень никак не входил в мои планы. Я собирался отвести Машу в удивительное место, которое нашел совсем недавно. В очередную нашу ссору я вышел из дома в чужом пальто и поехал в центр, чтобы прогуляться в одиночестве. Прогулки

в одиночестве – моя слабость. Когда ты идешь куда-то один, потребность в раздумьях усиливается многократно. В такой момент хочется рассмотреть каждую деталь каждой пройденной улицы, остановиться у случайной витрины, отыскать ранее невидимое и удивиться тому, как часто ты проходил мимо этого, не замечая обыденной прелести затхлого переулка, раскрашенного недоучкой-художником, фигур неправильной формы на фасадах старых зданий и легкой взвеси отчаяния и пустоты. Разница в восприятии всегда зависит от настроения и компании. Вот и в тот день я шел по Никольской, и решил свернуть в первый попавшийся переулок. Свернул и попал в прошлое.

Передо мной из ниоткуда вырос монастырь. Я не смог понять, насколько стар он и насколько обитаем, однако это было пустое занятие – какая разница, что кроет в себе явление, если оно красиво. А монастырь был красив. Красив был и тот факт, что посреди шумного города, буквально в десяти метрах от насыщенной жизни, сохранился островок древности как часть мира, недоступная для понимания. Эта мысль сковала настолько, что пятнадцать минут я стоял на одном месте и смотрел на здание, но скорее сквозь него – в древность, в размеренное течение жизни, вечной жизни на обитаемом издавна шаре. Развернувшись спустя пятнадцать минут и оставив монастырь за спиной, я будто вынырнул из ледяной воды. Шагая вдоль Никольской, я пытался вернуть размеренность мысли и подумать о случившемся снова, но это было

крайне трудно. Мне захотелось отвести туда Машу, спросить ее, что она испытала при виде этого места, какие мысли родились в ее голове, – было ли все так же, как у меня, или для нее монастырь обрел другой смысл и обрел ли смысл вообще.

Теперь туда уже не поехать. Ничто не должно отвлекать от самой сути, когда ты прикасаешься к истории. Дождь в такой момент – тоже помеха. Я достал телефон, чтобы посмотреть доступные сеансы в кинотеатре неподалеку, прекрасно осознавая, что поход в кино – худший вариант свидания, так как при просмотре вы молчите, а обсуждение после сеанса обычно сводится к стандартным фразам «ну, как тебе?», «да, актер хороший», «сюжет неплох/плох/ужасен/прекрасен/отвратителен» и так далее. Достал телефон и увидел сообщение от Маши. «Я сегодня не приду, да это и неважно. Я хотела сказать, что нам нужно расстаться. Я устала. Извини.»

Сообщение было отправлено в восемь ноль пять. Чертов беззвучный режим. Минуту я пребывал в оцепенении. Я смотрел вверх, на небо, серое тоскливое небо, и не мог осознать, что все это происходит на самом деле. В такой момент можно поймать неуловимое – искажение времени. Уже двадцать пять минут как меня бросили, а я все еще думал, что мы вместе. Это странно. Это тяжело осознать. Такой маленький промежуток времени, но он так четко показывает всю суть восприятия конкретным человеком конкретного события, что становится понятно: время – самая страшная сила,

существующая на Земле. Я набрал выученный наизусть номер, но гудки не раздавались. Я написал сообщение «Где ты? Я приеду и поговорим». Сообщение не отправилось. Я проверил баланс – деньги на счету были. Повторил отправку. Снова не отправлено. Значит, в черном списке. Окей.

В руке все еще находились два стаканчика кофе, и как только взгляд упал на них, меня прорвало: латте были доставлены прямиком в стену дома, пролетев метров пятнадцать, а окрестности пошатнулись от громкого крика, переходящего то ли в хрип, то ли в плач. «Сука!», – только и смог воспроизвести пересохший рот, хотя в голове крутилось еще сто тридцать четыре ругательства, обращенных, конечно же, не к Маше, а к судьбе, самой страшной суке, которую видела Земля. Из окна показалась седая и полысевшая кое-где голова грузного мужчины, а следом я услышал несколько аргументов, доходчиво объясняющих, какой я мудака и как бы было хорошо, если бы такие, как я, вымерли к чертовой матери и дали бы спокойно отдохнуть благочестивым людям. Я не стал спорить, потому как спорить с очевидной истиной – удел настоящих адептов ругани, а я таковым был только тогда, когда выпивал два-три литра пива.

Присев на бордюр дороги, ведущей во двор, я молился богам, чтобы в рюкзаке оказались сигареты. Судорожно выворачивая содержимое его, я нашел то, что искал, достал последнюю сигарету из пачки, вспомнил про «восемнадцать берез» Чижа и закурил. Курить я начал еще в университете,

как и девяносто процентов курящих людей. В старости я, наверное, об этом пожалею. Ну и пусть.

К двадцати трем я понял не так много, как хотелось бы, но все-таки кое-что усвоил, в частности то, что для любого явления есть особый индикатор под названием «старость», потому что «старость» равняется «вечность». «Я хотел бы заниматься этим в старости» означает «я хотел бы заниматься этим всегда». Вот и все. Преломите это через любое действие, и поймете, как это работает. Усвоив это, я твердо решил делать только то, что хотел бы делать и в старости. Поэтому я и влюбился в Машу. Я видел в ней все то, что хотел бы видеть от своей жены на протяжении всей жизни: поддержку, спокойствие, критическое мышление, ум, обостренное чувство прекрасного и справедливости, в конце концов. Я хотел это видеть всегда и так боялся, что могу это потерять, что сам все и испортил. Но никогда не поздно исправиться.

Сигарета обожгла пальцы, и я вернулся из недр размышлений, почувствовав некое опустошение. «Что делать? Куда бежать? Где Курский вокзал и куда бежать?», – промелькнули воспоминанием слова Венички. Пора ехать, бежать, нестись, чтобы сохранить то небольшое, что вносило в жизнь хоть какой-то смысл. К девяти я был в метро. К девяти сорока уже сидел у подъезда ее дома с новой пачкой сигарет и почти разрядившимся телефоном. Оставалось ждать.

Во дворе было пусто и тихо. Дети давно ушли с детских площадок готовиться к новой учебной неделе, досматривать

мультики, пить теплое молоко с хлебом и мечтать о великом. Я же мечтал только о том, чтобы Маша пришла, и мы поговорили. Крыши домов гудели, поглощая шум обитателей с упорством, достойным немой похвалы зеваки, а ветер разносил пустоту по городу, поднимая пыль с замученных машинами дорог и унося отломанные ветки подальше от деревьев, подобных родителям, от которых уезжают дети: они грустно качаются в такт своей тоске по уходящему в один момент времени. Дверь закроется, и ничего не изменится, но изменится все: от разговоров на кухне до теплых объятий после долгой разлуки, – все будет казаться похожим, но не тем, что было. Одним словом, новым.

Слух мой был напряжен, и я чувствовал себя жертвой, как будто за мной охотится огромное непонятное чудовище, способное мгновенно завладеть преимуществом и расправиться со мной с небывалой жестокостью. Я же ничем не владел, и поэтому был беззащитен, беззащитен абсолютно перед всем: перед погодой, обстоятельствами, темнотой, страхом, и, что самое главное, что является обобщением всего этого, – перед неизвестностью, я практически чувствовал ее дыхание за спиной и старался не оглядываться, дабы не нарушать игры и не открывать в неизвестности чарующий блеск нового, но уже узнанного по очертаниям и неуловимой магии явления.

Я повернул голову на смех, раздавшийся на грани слышимости, на смех, разрезавший воздух ровно до моего уха и ни миллиметром далее, и замер. Знакомые очертания все-

гда узнаются издали, независимо от точки зрения, зоркости глаз и величины разделяющего пространства. Я увидел Машу, шагающую неровно, но при этом ничуть не осторожно, так шагают только счастливые пьяные люди, забывшие о мимолетности времени, наслаждающиеся моментом, атмосферой и шумной звонкой компанией, сопровождающей их в такую минуту. Что отличает пьяницу от просто выпившего человека? Только усталость во взгляде, способном остановиться лишь на точке пространства, а не на совокупности этих точек, выделить ее и замереть в исступлении, замереть в непреднамеренном ощущении окружающей нас пустоты. Естественно, она была не одна, рука ее была спрятана в руке другой, и спрятана так, что кроме другой руки не было видно ничего, – только это я отметил в парне, идущем рядом, все остальное в его внешности было непримечательным: примерно сто семьдесят сантиметров роста, худое тело, темные волосы, постриженные месяц назад начинающим парикмахером, торчали в разные стороны, темная кофта и темные джинсы, темные кроссовки, – все такое же темное, как мои намерения в ту секунду. Я пошел навстречу, понимая, что парень, скорее не виноват, чем виноват, но ничего не попишешь: печален день того, кто встретил меня в плохом настроении, но еще более печален день того, кто такое настроение создал.

Отдаленно раздалась музыка из любимого мультфильма. Я подумал, что какой-то непослушный ребенок все еще не

спит, да к тому же не спит при открытом окне, намереваясь заболеть – ветер не стихал – и не пойти в школу. Спустя пару шагов я ощутил вибрацию и понял, что ошибся насчет ребенка, – та же музыка стояла у меня на входящих. «Как невовремя!», – пробубнил я и посмотрел на экран, ожидая увидеть надпись «Мама», и оказался прав. Только мама мне и звонила.

– Алло, здравствуйте, майор полиции Востриков Геннадий Иванович. Вы являетесь сыном Игнатьевой Инны Анатольевны?

– Ээээм, да, а почему вы звоните с номера мамы? – ответил я, находясь в полном ступоре.

– Вы сейчас в Москве? – вкрадчиво спросил майор, и этот тон заставил меня волноваться сильнее, чем это было вообще возможно.

– Да, в Москве, а что случилось?

– Подъезжайте по адресу улица Ленинский проспект, дом семьдесят пять, – перед тем, как произнести следующую фразу, майор сделал глубокий вдох. – И включите новости. Прошу прощения, мне надо идти. Приезжайте.

– Что случилось, скажите мне, почему вы звоните с телефона моей мамы??? – я уже перешел на крик, но сотрудник полиции положил трубку.

Наконец Маша и ее спутник заметили меня, произошло это в тот момент, когда я убрал телефон карман и ринулся по направлению к улице, ведущей в метро.

– Что случилось? – неуверенно спросила Маша, сдерживая икоту и сомнения по поводу целесообразности вопроса.

– Иди на хуй! – только и смог выкрикнуть я, уже находясь на значительном расстоянии от объекта моей любви и ненависти одновременно.

Я бежал к метро так быстро, как никогда ранее, но при этом по всему телу разливалась невыносимая дрожь, унять которую не получалось ни рассуждениями о произошедшем пару минут назад, ни мыслями о маме, – голова наливалась кровью и мысли путались, отрывками выплывая перед глазами навязчивыми образами. Щелчок – огромная рука, держащая другую руку. Щелчок – толстый следователь, поднимающий разбитый, испачканный в крови телефон. Еще щелчок – желтая лента, очерчивающая квадрат тротуара.

От этого отделаться невозможно. Я бежал и думал о том, что за каких-то два часа я потерял все, что у меня есть. Майор полиции просто так звонить с чьего-то телефона не будет – случилось что-то страшное. Я пытался придумать хоть один вариант развития событий, при котором все хорошо, с мамой все в порядке – может быть, это тупой розыгрыш коллег, может, это сбой в системе мобильного оператора, и звонок какого-то полицейского сыну полной тезки моей матери по ошибке был адресован мне, – все эти версии разбивались о параноидальный мозг и остатки трезвой логики.

Я был так погружен в водоворот страха, что не замечал окружающую действительность: я пробежал вход в метро,

потом вспомнил схему «подземки» и понял, что нахожусь на соседней ветке и что надо взять такси, а не ехать сорок минут в гремящем поезде до чертового адреса, где, возможно, моя прежняя жизнь изменится раз и навсегда. Около метро, как обычно, стояли желтые машины, на капотах разваливающихся «Лад» сидели два бомбилы – усатый и безусый, седой, и темноволосый, – я побежал к ним и на бегу пытался выговорить адрес, но слова застревали внутри, казалось, будто легкие остановились, перекошенный рот то раскрывался, то закрывался в попытке вымолвить хоть что-то, но ничего не происходило. Представьте себе картину: парень подбегает к двум таксистам, судорожно пытается что-то сказать и спустя секунду падает на колени и начинает плакать, все так же беззвучно, спустя десять секунд встает и выдыхает «ленинский проспект, семьдесят пять», а после бросается к передней двери машины и неистово ее дергает. Тут можно и самому онеметь.

Таксисты переглянулись так, как будто произвели моментальный телепатический диалог:

– Повезешь его? – спросил усатый в таком «обсуждении».

– Не, еще откинется у меня на переднем сидении, или, может он вообще кого убил, а теперь убегает!

– Дурак что ли, ты видел его вообще? Я уверен, у парня беда.

– Ну, вот и вези его, я уверен, он еще и не заплатит.

– Вот и повезу.

– Валяй.

Усатый таксист встал с капота.

– Парень, ты сейчас ручку оторвешь. Куда спешишь? Все равно не успеешь.

– Что вы сказали?

Я просто обезумел от такого цинизма и отпустил злосчастную ручку его старой машины. «Я тебя сейчас убью, старый гондон!» – пронеслось в голове, и я уже повернулся в сторону капота, чтобы возвести промчавшуюся мысль в ранг приказа.

– Что слышал. Человек, который так бежит, уже опоздал, – пробубнил усатый, шаря левой рукой по карману в поисках ключа и почесывая усы правой. – Садись, – добавил он, и машина открылась.

И я сел. Минуту мы молчали. Таксист уверенно держал руль одной рукой, морщинистой, крепкой и сильной, было видно, что водитель он первоклассный, и что фраза про «не успеешь» – не столько цинизм, сколько опыт простого работника, выдавшего в течение жизни переплеты посложнее моего. От этой мысли сердце неистово забилося, а под ложечкой начало тянуть сильнее, чем во время ожидания итогов экзамена по предмету, к которому не готовился.

– Можете включить радио? Мне нужно послушать новости, – произнес я, вспомнив голос майора.

– Сейчас новостей нет, они раз в пятнадцать минут идут, – с видом знатока ответил таксист, доставая сигареты из на-

грудного кармана фланелевой рубашки. У меня, кстати, была такая. – Курить будешь?

– Нет, у меня свои есть.

– Ну, так курить-то будешь, только сигарету возьмешь свою.

– Какая к черту разница?

– Э-э-э, большая, сынок, большая.

Мы закурили, и меня чуть не вырвало. Видимо, легкие оказались не готовы к таким нагрузкам: бег и сигареты – худшее испытание, которое можно устроить организму в течение пятнадцати минут. Откашлявшись, я устоял в чуть открытое окно, наблюдая мрачную картину наступающего осеннего вечера: кое-где уже опали листья, после дождя асфальт превратился в темно-серую, почти черную, бездну, сковывающую город. Прибитая каплями пыль как будто очерчивала границы этой бездны, показывая, что не только у боли, любви и жизни есть они, но и у того, что порой кажется бесконечным. Смотря на дорогу, я как будто выпадал из жизни, забывал о ее существовании ровно так же, как она забывает о существовании человека, запертого в комнате без стен идеями, трагедией или стечением обстоятельств. Ничто не существует так непоколебимо, как осень, потому что она вечна, не в смысле, что она будет всегда, – нет, ей на смену придут снегопады, зной и черт знает что еще, но она обязательно вернется, когда уйдет, а мы нет. Если человек не возвращается, приходил ли он вообще, жил ли он, боролся

ли, плакал ли, умирал ли? Только память дает ответ. Но верить ли ей так, как верят в чудо под Новый год милые дети, с нетерпением ждущие боя курантов, трущие сонные глаза в ожидании неизвестного и прекрасного? Я предпочитаю не доверять, потому что...

– Какой адрес, говоришь?

Таксист выловил меня одним только предложением из пучины – еще немного, и я забыл бы, куда еду, погруженный в отвлеченные размышления о том, о чем думать не стоит, по сути, – какое кому дело до духовного поиска во время материального существования?

– Вроде, Ленинский, семьдесят пять, – ответил я и потер лоб, потому что внезапно ощутил боль, стремительно разливающуюся по всему черепу. Секунду назад ее не существовало.

Таксист нахмурил густые черные брови, нависающие над глазами, как козырек от солнца где-нибудь на юге, и спросил:

– Ты что, не знаешь, куда едешь?

От злости и бессилия я крикнул:

– Блять, да не знаю я, куда еду, чего пристал!

Ожидание потери вернулось. Оттолкнувшись от кресла, я почувствовал вторую волну головной боли и замер, поэтому все выглядело несколько комично и жалко одновременно: я как будто уставился на номер машины перед нами и продолжил:

– Мне позвонил ... м-м-м-майор полиции с телефона ...

М-м-м-м-мамы . . . , сказал при-и-и-ехать по адресу и вклю-ю-чить новости.

Я был готов расплакаться от того, насколько все случившееся неправдоподобно, глупо и несправедливо. Нормальная, спокойная и тихая жизнь была на грани того, чтобы обратиться в пепел, превратив меня в труху, в сгнившее непонятно из-за чего дерево.

– Ну так сказал бы сразу, откуда мне знать, что с тобой, – пробубнил таксист невнятно.

Чувствовалось, что он хочет как-то помочь, но вот этот шаг – от пренебрежения до сострадания – сделать ему невероятно тяжело.

– Я-то думал, может, девушка бросила, вез я пару раз таких, сидят, ноют, а чего ноют – непонятно. Как будто. . .

– Ну, и с девушкой я, считайте, что тоже расстался, – перебил его я, показывая сообщение Маши, а потом истерически засмеялся, засмеялся так, что на приеме у дантиста мне бы не было равных. Правда, пару минут так посмеешься – можно и помирать. Опустошает.

– Да-а-а-а, дела! Ладно, сейчас домчим, все будет нормально, уверен, это какой-то розыгрыш.

– Смешно – обоссаться.

– У тебя не день рождения случаем? – вдруг загорелся водитель, как будто случайно нашел ответ на сложную задачу.

– Ну, если считать меня мертвецом, то – наверное.

– Это как?

- День рождения мертвого – это день смерти.
- Умно. Я вот считаю...
- Бабушка так говорила, – перебил я похвалу таксиста.
- И как она?
- Умерла в том году.

Честное слово, я увидел, как таксист еле сдержался, чтобы не заржать. Хорошо, что он смог собрать последние остатки тактичности и не делать этого. Правда, меня это все равно выбесило.

– Остановите машину. Я дальше с вами не поеду, – резко бросил я, ища кошелек. – Поймаю новое такси.

– Ладно, – ответил он, все еще не останавливаясь.

Проехав так километр под моим возмущенным взглядом, таксист наконец припарковался у обочины и чуть не врезался во впереди стоящий седан.

– Ты же вроде спешил.

– А вы вроде говорили, что я уже не успел. Сколько тут еще ехать?

– Так приехали, – задумчиво произнес таксист, ища пачку сигарет все в том же кармане. – Денег не надо. Пусть все это будет розыгрышем до конца.

Я молча пожал ему руку, крепко пожал, и открыл дверь машины, попутно осматривая из отодвигающегося окна продуктовый, перед которой мы припарковались. Вроде ничего особенного. Не сказал бы, что это самая людная улица, которую я видел в жизни, но народу было достаточно, несмотря

на не самую приятную погоду. Я все больше думал о том, что, может, и правда – все это глупый розыгрыш? Но к чему? Зачем? Я пошел по ходу движения машин, рассматривая местность на предмет чего-то необычного, выходящего из привычного порядка вещей, но упорно ничего не находил. Вот и конец дома. Поднял голову вверх, чуть повернул ее вправо и увидел число «семьдесят семь». Сука! Неужели было сложно посмотреть по навигатору? В чем вообще проблема доставить человека по адресу Ленинский проспект, семьдесят пять, а не семьдесят семь? Как такие люди вообще живут? Вот, например, им говорит кассир в магазине: «С вас тысяча девятьсот восемь рублей», а они что, передают тысячу девятьсот шесть? Нет же! Тогда почему возникает сложность привезти человека по правильному адресу? Так я думал, медленно проходя семьдесят седьмой дом. Через пятьдесят метров я остановился, и протер глаза влажной от волнения рукой. Со всеми же бывало такое, когда ты видишь то, во что отказываешься верить, улыбаешься слегка, скорее от изумления, трешь глаза и говоришь себе: «Ну, точно, я сплю, этого не может быть!»?

Желтая лента, натянутая на скорую руку и болтающаяся от ветра и мелкого дождя, выделялась из тротуарной обыденности. Это была не та лента, которую растягивают при дорожных, знаете, работах, когда рабочие из дружественных стран в седьмой раз за год меняют тротуарную плитку, и не потому что так надо, а потому что есть бюджет и его надо

освоить: купить машину жене, квартиру, к примеру, или отправить учиться любимого сына подальше с глаз долой в какую-нибудь Англию, – нет, это была другая лента, и не потому, что вокруг не сновали рабочие, включившие музыку с телефона, произведенного в прошлом десятилетии, не потому, что тротуар был в целости и сохранности – могли только сегодня его доделать и забыть снять растяжку – нет, не поэтому заболело сердце и голова превратилась в расколотый молотком орех. Все было просто: из здания банка, вокруг которого растянули ленту, валили последние клубы черного, как северное море в непогоду, дыма, а вокруг сновали полицейские и пожарные, которых ранее не было видно из-за припарковавшегося в неположенном для себя месте грузовика. А еще запах. Невыносимый запах жженого белка.

«Это не розыгрыш. Все-таки не розыгрыш», – внутренний голос не умолкал, как будто кто-то посторонний зашел в пещеру и начал повторять одну и ту же фразу. Я бросился через людей к желтой ленте, осознавая, что жизнь моя всецело зависит только от одного «да» или одного «нет», которое предстояло услышать через несколько секунд, похоже, самому невезучему человеку на этой планете.

Я бросился к парню в форме, стоявшему на тротуаре перед пространством, огороженным лентой, и, не добегая до него, крикнул:

– Где майор Востриков??? Позовите майора!!! Он мне звонил!!!

– Молодой человек, не кричите, майор Востриков здесь. Он подойдет к вам, как только освободится, – произнес полицейский, и можно было почти физически ощутить металл и безжизненность в его голосе. Что с человеком делает служба!

– Тупой ты козел, ты что, не понимаешь? Он мне звонил! Позови его или дай пройти!

– Молодой человек, спокойнее. Я не могу вас пропустить. Ведите себя сдержанно, – ответил он все так же непоколебимо.

«Форменный мудака» – подумал я и судорожно начал искать сигареты, а найдя почти пустую красную пачку, плюхнулся на мокрый антрацитовый асфальт. Продолжая шарить в карманах штанов, я повернулся лицом к менту и спросил:

– Что тут произошло?

– Я не могу разглашать данную информацию.

– А что ты вообще тогда можешь разглашать?! – прикрикнул я. – Да где эта ебучая зажигалка?!

– У меня есть спички, нужны?

– Еще два камня мне кинь, осел, – огрызнулся я.

В глубине души я понимал, что этот парень ни в чем не виноват: ни в том, что еще два часа назад меня бросили, ни в том, что полтора часа назад мою жизнь поделили на «до» и «после» окончательно, – просто у него такая работа: стоять тут и не пускать никого туда, где, возможно, случилось страшное. Получается, такой «охранник наоборот»: охраня-

ет не кого-то от страха, а страх от, в данном случае, меня. Наконец, я нашел зажигалку в рюкзаке, закурил, сделал первую глубокую затяжку и меня «осадило»: земля потеряла свои первоначальные очертания и поплыла то вправо, то влево, покачиваясь, как покачивается на волнах судно с мелким водоизмещением.

Я все еще не понимал, что произошло с этим злосчастным банком: выглядело все так, как будто произошел пожар, но для простого пожара согнали слишком много «мусоров» и пожарников. Похоже было на взрыв, теракт, не знаю, но зачем взрывать отделение банка не в самом проходимом месте? И что здесь делала мама?

Она жила в другом районе, собственно, там же, где мы раньше жили вдвоем. Папа ушел от мамы еще до моего рождения, потому что на середине срока наблюдающий гинеколог сообщил родителям, что у плода ярко-выраженные пороки развития. Другими словами, сказал, что я рожусь инвалидом без руки и без ноги, причем с одной стороны. Одностороннее движение, знаете ли. Отца это немного не устроило, и он настаивал на аборте, равно как и гинеколог, но мама отказалась, и отец ушел, сказав, что не хочет смотреть на это убожество. На меня, то есть. Ставка не сыграла: я родился в базовой сборке – две руки, две ноги, – правда без приключений не обошлось: похоже, я очень хотел похвастаться обеими ногами и решил показать их первым делом, в связи с чем роды вышли не совсем обычными – своими телодвиже-

ниями я каким-то образом намотал пуповину на шею. Получилась петля, на которой я почти повесился, – хорошо, что акушер был мастером от бога и смог вращением снять петлю. Прогноз был неутешительный: слабоумие, а при худшем варианте – парализация всего тела ниже шеи. Ничего из этого, к счастью, не произошло. Похоже, я очень сильно хотел показать отцу, что с самого рождения готов выпутываться из любого дерьма и оставаться при этом невредимым.

В итоге мама осталась одна с новорожденным на руках – родители ее умерли к тому времени уже лет пять как. Повезло, что прадед был одним из видных членов партсобрания и, видимо, редкой мразью, судя по рассказам матери, а также по двухкомнатной квартире в «сталинке» напротив парка Горького, которая маме досталась по наследству и которую она с радостью продала после ухода отца, а взамен купила двушку на Выхино, таким образом, обеспечив себе возможность не работать лет так пятьдесят. В ее планах было по-другому: покуда я не смогу отрезать себе хлеба и колбасы и поставить чайник на помятую временем газовую плиту. Правда, вмешался дефолт девяносто восьмого, поэтому научиться делать бутерброды и заваривать чай мне пришлось немного раньше.

– Здравствуйте, я майор Востриков. – произнес мужчина в штатском, направляясь ко мне. Выглядел он неважно – бледная кожа и отсутствующий взгляд выдавали его ужас от увиденного и произошедшего. По тому, как он подходил ко

мне, неуверенно потирая пышные усы, я понял, что он ищет нужные слова, такие слова, которые способны меня обнадежить и успокоить, но не находит их.

– Что тут произошло? Где мама?

Трясушимися руками майор достал пачку сигарет «Мальборо», потом несуразно вынул из левого кармана зиппо такого же ярко-красного цвета, и, прищурив глаза, закурил. Первая затяжка длилась секунд пятнадцать, было чувство, что полицейский готов выкурить сигарету полностью за один раз, и оно смешивалось с нетерпением и осознанием своей полной беспомощности. Я выбил сигарету у него изо рта.

– Вы, блять, все мудаки тут что ли? Где мама, блять, и что за херня тут происходит, вам всем морды поразбивать что ли?

Я был вне себя от ярости, но майор молча смотрел мне в глаза в то время, как заново доставал пачку и зажигалку.

– Сука, я тебе сейчас и вторую выбью, и двадцать пятую, если мне не расскажут, что здесь произошло.

– Твоей мамы больше нет, – выдохнул Востриков мне в лицо и эти слова, и дым новой сигареты.

Ноги подкосились. Я плюхнулся на асфальт, сначала на колени, потом перевалился на бок, а после лег на спину и уставился в небо, усеянное мелкими желтыми точками. Одна из этих точек стремительно падала, оставляя почти невидимый след, который где-то там далеко, являлся огромным сгустком образовавшейся энергии. «Как мы ничтожны,» –

промычал я в пустоту.

Востриков обошел меня слева и перевел в вертикальное положение. Руки его все еще дрожали.

– Не так я представлял себе наше знакомство. Это тер-
акт, – сказал майор. – Инна была внутри, кроме нее – еще
два человека. Тела не опознать, тут, предположительно, за-
рядили килограмм семь-десять в тротиловом эквиваленте.
Не представляю, кому и зачем нужно было так подрывать
обычное отделение «сбера», так еще и после рабочего дня,
когда только банкоматы работают.

Востриков нервно провел рукой по своим жидким, кое-
где побелевшим волосам и зарычал в исступлении:

– Хуйня какая-то, не понимаю, блять, не понимаю!

– Знакомство? Какое знакомство? – вынырнул я из пусто-
ты и с непониманием посмотрел майору в глаза.

– Ну, мы с Инной... встречались, в общем. Мы долго не
хотели говорить об этом тебе, не знали, как отнесешься

Речь Вострикова была сбивчивой и невнятной, я с трудом
понимал, что он говорит.

– Понимаешь, мы шли домой, Инна решила...положить
наличку на карту, а я, чтобы не терять время, заскочил в ма-
газин...за сигаретами...чтобы не терять время...я не знал,
что все будет так...не знал...она мне сумку отдала, чтобы с
ней не таскаться...почему я не зашел с ней...почему...толь-
ко расплатился...и громкий хлопок...и стекла дрожат...вы-
бегаю на улицу, а тут уже...

Востриков расплакался. Его судорожные всхлипы были мне отвратительны, и я отвел глаза. Я ничего не чувствовал. Пусто. И вот ты вроде всегда готов к тому, что останешься совсем один, что у родителей перед тобой – двадцать-тридцать лет форы в очень длинном забеге, победа в котором не приносит никому удовольствия, и суть его – пересечь финишную черту так поздно, как только сможешь – но, бац, и он, родитель, сделал это вопреки твоим ожиданиям и ожиданиям других участников забега намного раньше... вот тогда накатывает чудовищная пустота, такая пустота, которая давит в тебе все живое, все разумное и неразумное, что кроется в недрах сознания и восприятия. И ты не можешь ничего с ней поделать. И не можешь плакать. И смеяться. И говорить. Ничего. Мир как будто сжимается до крохотной точки боли под ложечкой, боли тянущей и омерзительной и по происхождению, и по ощущениям, чтобы потом вмиг разжаться и уничтожить тебя невосполнимостью утраты, смешать с дерьмом через ощущение собственной глупости и беспомощности.

– В общем, слушай, – вдруг резко произнес Востриков, успокоившийся перед этим и вытерший красные распухшие глаза. – Приехали люди из Следственного комитета. Мои полномочия тут, собственно, все. Вот вещи Инны, засунь в рюкзак. Если передать их в СК, получишь их только через месяц, а то и вообще не получишь.

Он передал мне белую небольшую сумочку, которую мама

не очень-то жаловала, и я судорожно убрал ее, матерясь на заедающую молнию.

– И что теперь?

– Скорее всего, тебя отвезут в СК для сдачи материала на ДНК-тест. Я уже дал показания начальнику следственной группы, рассказал, что ты едешь, показания у тебя брать, скорее всего, не будут. Просто идентифицировать личности погибших надо.

– А вы уверены, что мама не вышла из отделения до взрыва?

– Если ее нет сейчас рядом со мной, значит, уверен. Она же отдала мне сумку. Куда она уйдет без нее?

– Понятно, – пробормотал я, осознавая, что спросил глупость. Мозг готов был воспроизводить что угодно как защитную реакцию.

– Я наберу тебе через пару часов. И, пожалуйста, не делай глупостей. Будь сильным, – сказал Востриков на прощание, и меня чуть не стошнило от такого пафоса. На первый взгляд, он был намного ближе к тому, чтобы сотворить какую-нибудь глупость.

– Ага, – ответил я и пожал ему руку. Востриков развернулся кругом и не самой твердой походкой снова направился к оградительной ленте. Подняв ее, он сделал еще пару шагов в сторону отделения и застыл, оглядывая место крушения его любви и надежд на счастливое будущее.

Постояв минуту, он вышел, вытирая глаза, и ступил на

тротуар, все так же шатаюсь.

– Виктор Игнатьев? Игорь Мамаев, старший лейтенант Следственного комитета. Я сопровожу вас для сдачи материала на ДНК-тест. Пройдемте со мной. Думаю, майор Востриков вам уже все объяснил.

Мы пошли к темному фургону без каких-либо опознавательных знаков. Следователь открыл передо мной дверь и я зашел внутрь, где сидело еще двое сотрудников комитета. Я сел на свободное место, Мамаев зашел следом и захлопнул дверь изнутри, от чего машина немного пошатнулась. «Саня, поехали», – обратился он к водителю, после чего тот повернул ключ зажигания, и мы тронулись.

Разговаривать не хотелось. Следователи пытались наладить диалог, но я отвечал на все вопросы односложно, и вскоре они от меня на время отстали. Я уперся взглядом в стекло, как будто, знаете, оно не прозрачное, а приставлено к свежевыкрашенной серой стене, с шершавостями и потертостями, созданными искусственно и не очень умело. Глаза не фокусировали картинку. Только пелена и бельмо. Я вспомнил про Машу, но так, по остаточному принципу. История двух-трехчасовой давности меня больше не интересовала. Возникло чувство, что меня вообще больше ничего в жизни не интересует. Мама больше нет. Ничего больше нет. Только я один, и вокруг – серая свежевыкрашенная стена. Вдруг на нее упали лучи проектора: перед глазами зарябило первое отчетливое воспоминание – мама покупает мне слад-

кую вату в Парке Горького, розовую, искрящуюся, и я доволен, и она улыбается, и все лицо в сахаре, и рот сводит от необыкновенной сладости. Потом – незнакомая женщина с челкой, закрывающей половину лица, объявляет в репродуктор вокзала, что Игнатьеву Инну просят подойти к главному выходу; я решил пошутить, и сбежал, пока мама покупала в дорогу шоколадки и воду, мы через час поедem на юг, а потеряться в толпе – уморительно смешно; заплаканная мама подбегает к незнакомой женщине, потом падает на колени и обнимает меня, крепко-накрепко обнимает, непроизвольно вытирая крупные капли, обосновавшиеся на ее щеке, об мою щеку. На море мама кормит меня шашлыком и жареной картошкой, выигрывает тысячу рублей в караоке за исполнение «Звенит январская вьюга...», а я прыгаю с очень высокого пирса в оранжевом надувном жилете, а кроме меня никто не прыгает – даже взрослым не по себе от того, насколько пирс высок. А вот мама ведет меня в аквапарк за первый похвальный лист по окончании второго класса, таких листов будет десять, но награду от нее я получу только за первый. А вот мы встречаем Новый год без света, потому что во всем доме отрубили электричество, свеча дрожит, но не тухнет, и вместо поздравления президента – мамина речь о том, что следующий год станет самым счастливым в нашей жизни, и песни под гитару, советские, не очень советские и антисоветские – я подпеваю последним, не до конца понимая смысл, но понимая настроение. Следом на стене появляется мама

на трибуне, я забиваю победный гол и команда выигрывает кубок Москвы, руку мне жмет сам Лужков, а вечером меня ждут победные блинчики со сгущенкой. Золотая медаль, поступление на бюджет, первая сданная сессия – кадры мелькают один за одним, и везде мама улыбается. Я не обращал на это внимания раньше: вроде как это мои победы, но они не мои, это ее победы, и улыбка – это ее победа над временем, тяготами и лишениями, над предательством любимого человека, над всепоглощающим одиночеством и неизбывной тоской по лучшей жизни, которая могла быть, но не случилась, и которая стала счастливой только благодаря ее каждодневному труду надо мной.

И я заплакал. Знаете, так бывает: слезы рождаются сами по себе, ты не контролируешь то, что происходит, точнее, тебе кажется, что ты контролировал, а потом вдруг перестал, и ты заплакал; нет, этот процесс естественен, он сродни извержению вулкана: то же внутреннее бурление, та же скрытость от окружающих, и та же невозможность остановить процесс.

Все тело забило в конвульсии, тихий хрип переходил в протяжный вой и вновь возвращался, рукава джинсовой рубашки стали мокрыми, я пытался остановить ими слезы, как сантехник тряпкой пытается удержать течь, но, конечно, только пытается. Приступ закончится так же неожиданно, как и начался, я знал это, но ничего не мог с собой поделать, мне было стыдно, что взрослый мужик сидит напротив других взрослых мужиков и рыдает, Я не хотел выплескивать

эмоции наружу, хоть и понимал, что они не увидят в этом ни капли постыдного, но держаться не было никаких сил. Мне предложили салфетки, я взял их и кое-как успокоился. Всю оставшуюся часть пути в машине царило гробовое молчание, и следователи устало переглядывались, пытаюсь понять, знает ли кто-нибудь, сколько еще ехать. Полицейским было некомфортно находиться со мной в ограниченном пространстве, его как будто полностью заполнило ощущение горя, которое не убрать открытием окон. Им хотелось выдавить горе прочь, но сделать они этого никак не могли, и поэтому ждали, когда мы наконец доедем до места.

Вскоре машина припарковалась у здания Следственного комитета, и полицейские мигом выпорхнули из фургона, оставив меня внутри на несколько секунд одного. Я же думал о том, почему они не могут заехать через КПП на территорию. Видимо, из-за того, что на машине не было отличительных знаков полиции, а такие тачки, похоже, на территорию не пускают. Старший лейтенант веселым тоном сообщил водителю, что на сегодня тот свободен, и захлопнул дверь опять с большей силой, чем требовалось.

– Пойдем, – бросил мне один из сопровождающих, потом сплюнул, сделал последнюю затяжку и бросил окурок мимо ржавой облезлой мусорки перед входом. – Не отставай, а то тебя потом хуй найдешь в этих катакомбах.

– Ладно, – ответил я, удивляясь про себя, как этот мужик выкурил сигарету за тридцать секунд. Мастерство в деталях.

И мы пошли. На входе в здание в застекленной будке спал охранник, и слюни стекали с его рукава на небольшой столик, на котором был развернут «Советский спорт».

Мамаев несколько раз постучал по стеклу и сказал:

– Леня, блять, вставай!

Охранник вздрогнул и выпрямился, пытаясь как можно быстрее привести глаза в рабочее состояние.

– Леня, ну какой «Советский спорт», оттуда все нормальные люди уже уволились, читать нехуй!

Охранник суетливо свернул газету под стол, опрокинув при этом голубую кружку с остывшим чаем, а мы пошли дальше. В здании как будто никого не было, стояла такая тишина, которую искусственно не создашь, знаете, про такую говорят «звонящая», но я не согласен, она «живая», потому что за ней – работа на грани уровня слышимости, тише мышей, но громче мертвых. Наверное, в этом и заключается главное умение следаков – работать незаметно, но постоянно. Что еще меня поразило, так это огромное количество поворотов: здание было полностью изрыто коридорами, так изрыто, как у кротов каких-нибудь: не так чтобы и глубоко под землей, изрыто не хаотично, но упорядоченно; без сомнения, если бы кто-то задался вопросом узнать, сколько метров проходит человек по коридору от поворота до поворота – итоговый показатель был бы всегда один и тот же. Иногда мне казалось, что мы блуждаем по второму-третьему-десятому кругу, проходя одни и те же двери, смотря на

одни и те же, грязно-зеленые до половины, а после нее белые, стены, ослепленные одними и теми же тусклыми лампами, висящими под высоким, почти недостижимым потолком. Все это создавало гнетущее ощущение, а вкупе с молчанием следаков и всепоглощающей тишиной казалось психологическим оружием.

– Заходи, – сказал Мамаев, открывая передо мной миллионную дверь, коричневую старую развалину, которую поставили, верно, еще до революции.

– Ладно, – ответил я все так же безэмоционально, разглядывая содержимое комнаты.

Несмотря на безнадежный интерьер коридоров, в кабинете этом было достаточно светло. Стены как будто недавно покрашены в пастельный голубой, да и мебель – несколько стульев, столы, шкаф и флип-чарт, – органично выглядели в пространстве.

– Смотри, – продолжил Мамаев, когда мы расселись. – Сейчас тебе надо будет заполнить бумаги о согласии на проведение ДНК-экспертизы, а также о конфиденциальности посещения Следственного комитета. Все, что ты здесь увидишь, не подлежит разглашению, а в случае, если утечка информации произойдет по твоей вине, тебя посадят за госизмену. Все понятно?

– Я никому не расскажу, что у вас в СК с потолка падает побелка, – собрав остатки сарказма, выдал я. Тон следователя был уж очень смешон.

– Молодец, что не теряешь духа, – чуть усмехнувшись, произнес Мамаев, и дал мне бумаги, которые я заполнил, почти не читая.

Лейтенант встал из-за стола и подошел к двери, где, я не заметил сначала, висел маленький белый пульт с парочкой кнопок, очень похожий на пульт от кондиционера. Мамаев нажал на одну из кнопок, и шкаф неожиданно отъехал вправо на пару метров, оголив еще одну дверь, уже современную, железную, с электронным замком, как в турецких отелях, где все включено и ничего не выключено.

– Конспирация – уровень «Бог», – усмехнулся я, вроде как про себя, а оказалось, что вслух.

– Что имеем, – многозначительно вздохнул лейтенант, и приложил вынутую из потрепанного кармана темных брюк карточку, после чего дверь открылась сама. – Пошли, – махнул он мне рукой, и я нырнул за ним, оба других следователя сделали то же самое.

Комната, в которую я попал, представляла собой мини-лабораторию, разделенную на две части: в первой, мимо которой мы прошли не останавливаясь, видимо, производились работы с веществами – на столе стояли маленькие весы, небольшая горелка, покрытая копотью, сложенный ноутбук, пробирки и какие-то коробочки, которые я увидел уже мельком; во второй части комнаты мы остановились, поэтому можно сказать, что она была отведена под ДНК-тесты. На самом деле, внешне она ничем не отличалась от первой ча-

сти, за исключением наличия микроскопа и того, что реактивы были хаотично расположены на более масштабном и основательном столе.

Когда мы с Мамаевым сели друг напротив друга, он достал ватную палочку и пакет, который можно было герметично закрыть. Затем он попросил меня открыть рот и провел палочкой по внутренней стороне правой щеки и по деснам, а затем запаковал палочку ненадолго, но казалось, что навеки.

– Выведите его, результаты будут через пятнадцать минут, – приказал лейтенант подчиненным, и забрал у одного из них большой непрозрачный пакет, при виде которого мне стало не по себе: оказывается, какая-то часть мамы все время была рядом со мной.

Эти пятнадцать минут мне показались бесконечно долгими. Я вроде как был спокоен, в мыслях уже похоронив маму, но тлеющий уголек надежды противно распространял по всему телу отвратительный горький дым внутренних переживаний. Неловкое молчание, установившееся в комнате, давило с каждой минутой все сильнее. Это чувствовали и следаки, поэтому один из них, светловолосый, как я, предложил мне стопку водки. Предложение я принял, и тогда он подошел к одному из столов, покопошился пару секунд в ящиках и достал бутылку «Белуги» и три расписные подгжель стопки. Все так же молча светловолосый разлил водку на троих. «Хорошо живут!» – подумал я. И немедленно выпил. Остальные тоже.

Вообще я не люблю водку. Есть в ней что-то от нашей жизни: пить ее нужно скопом, не надеясь на положительный результат в виде приятного чувства легкого опьянения, когда думается яснее ясного и говорится сложнее сложного; все равно надежды не будут оправданы, взамен – лишь туман в голове, необъяснимая агрессия, сон на грани летаргического и опухшее сознание под утро; говорю же, с водкой как в жизни – либо все, либо ничего.

Я попросил налить еще, мне налили, светловолосый пить не стал и налил напарнику, я попросил светловолосого налить себе тоже, мы втроем чокнулись, вдвоем выпили, а потом я молниеносно схватил стопку светловолосого, которую он только поставил на стол, и выпил и ее. Мои конвоиры сложили поляну и убрали обратно в тумбочку. Я расстроился, потому что с трех стопок мне не дало.

Мамаев вышел только через полчаса, вернул комнату в исходное положение, переместив шкаф на место, и повернулся ко мне.

– Ну, что в итоге? – спросил я, потому как понял, что он не хочет начинать этот разговор первым.

– Я провел экспресс-тест с тем материалом, который нам удалось собрать на месте происшествия, сам понимаешь, целых тел там нет... все по кусочкам, что не догорело. В общем, между твоим мазком и, так скажем, собранными останками, родство – девяносто девять процентов. Учитывая, что

...

– Я понял, – прервал Мамаева я. – От меня что-то еще нужно?

– Нет, всю информацию по погибшим мы соберем самостоятельно для меньшей огласки. Спасибо. Ребята, проводите Виктора на улицу. Держись, дружище, – сказал лейтенант, похлопав меня по плечу, от чего я вздрогнул.

Два следователя проводили меня на улицу, поочередно поддерживая меня за плечо, потому что идти стало вдруг трудно. Ноги как будто прибывало к земле, и я не мог ничего поделать, как ни пытался. Свежий воздух обдал мое бледное лицо на выходе, и это придало мне сил. Я подумал, что надо жить, несмотря ни на что. Мама бы хотела, чтобы я жил. Я бы сам хотел, чтобы мои дети не горевали по мне, что бы со мной ни случилось, а продолжали жить, ведь смерть – это только начало, начало жизни на более высоком уровне, недостижимом ранее – на уровне вечных воспоминаний, нестирающихся, статичных, и оттого более возвышенных.

– Не раскисай, все будет нормально, – похлопал меня по плечу светловолосый, в точности как Мамаев. Потом оба следователя развернулись и через мгновение исчезли внутри здания, оставив меня наедине с теплой осенней ночью. Дождь к этому времени прекратился, и сладкий пар, исходящий от асфальта, распространялся хаотично, напоминая о том, что большому городу нет никакого дела до переживаний отдельно взятого человека.

Я поплелся по пустой дороге, без смысла, без цели, без

карты, просто пошел, чтобы хоть что-то делать, а в глубине души разливалась надежда, что из-за угла выскочит какой-нибудь бухой долбоеб на тольяттинском корыте и собьет меня насмерть. К сожалению, машин не было. Через полчаса голова все так же была пуста, ни одной мысли не прошло сквозь нее, даже обезьянки с медными дисками, приходящие в такой ситуации на помощь, как будто уснули. Совсем ничего. Вы подумаете, что я какой-то бесчувственный кусок дерьма, и, возможно, это так, но мне не стыдно, что в тот момент я ни о чем не думал, точнее, что я не думал о маме, потому что, если бы я о ком-то и думал в том момент, то это была бы она.

Наконец, я понял, что хочу напиться. А еще я понял, что из-за злобучих законов, алкоголь уже нигде в нормальных местах не продают, в бар не поедешь, а если поедешь, так набьешь кому-нибудь морду или вообще убьешь, в исступлении разбив голову оппонента о бордюр. Оставалось идти вперед и надеяться, что по дороге встретится какой-нибудь магазин, законсервированный в девяностых, обязательно с нерусским хозяином и с ментовской крышей, где из-под полы продают алкоголь после одиннадцати. Узнать время я не мог, потому что телефон сел, и когда я это понял, то вспомнил, что Востриков хотел позвонить, но пообщаться со мной у него сегодня, видимо, не получится. Ну и ладно. И вообще, почему они с мамой решили не рассказывать мне, что встречаются? У нее никого не было с тех пор, как я начальную

школу закончил, и то, все было так несерьезно, что я даже не помнил, как звали последнего, а на имена у меня память очень хорошая. Да и к ее личной жизни я относился нормально что в детстве, что сейчас, со всеми сам шел на контакт, понимая, что отстранение и молчание причинит маме боль. Может, она думала, что я посчитаю ее слишком старой для того, чтобы встречаться с кем-то, но это не соответствовало действительности: мама ухаживала за собой и выглядела моложе своего возраста, была очень умной и успешной в плане карьеры, – была неким таким изумрудным камнем среди бижутерии на аукционе второй молодости.

Возможно, все было намного проще: последняя наша крупная ссора произошла на тему отношений как раз, но не ее, а моих, и, наверное, мама боялась, что я отнесусь, как минимум, настороженно к ее избраннику. Через полгода после того, как мы начали с Машей встречаться, мама пригласила нас на ужин в ресторан. Все прошло, на мой взгляд, лучше некуда – мы мило болтали, много шутили, я заказал у играющего в патио гитариста «Январскую вьюгу», которую он исполнил, конечно, хуже мамы, но тоже добротнo, – в целом, не было того подросткового напряжения, когда ты знакомишь свою первую девушку с родителями, стесняешься и ее, и себя, и того, что ты уже вроде как взрослый и нет ничего особенного в том, что у тебя отношения, любовь и все такое прочее. Если посмотреть со стороны на нас в тот день – выглядело все как встреча молодого и разговаривающего

на равных репетитора по биологии с двумя лучшими учениками, сдавшими ЕГЭ на сто баллов – непринужденная атмосфера, максимум понимания и множество общих тем создавали впечатление великолепного ужина. В конце вечера мы разъехались по домам, пожелав друг другу спокойной ночи, я попросил маму написать, когда она будет дома, потому что мы переживаем и все в таком духе. В общем, идиллия. На выходные я заехал к маме починить кран в ванной, прекрасно понимая, что речь пойдет о прошедшей встрече, но несколько этого не боялся, так как был уверен, что ничего кроме «благословения» (пишу в кавычках, потому как оно мне не требовалось, да и мама достаточно умный человек, чтобы его давать) не получу.

– А почему вы не съезжаетесь? – спросила мама, ставя тарелку борща передо мной. – Вы же уже порядочно вместе, да и ты у нее постоянно остаешься. Плюс оптимизация ресурсов, как никак.

– Не знаю, мы как-то об этом не говорили особо. Один раз спросил у нее, не хочет ли она переехать ко мне, Маша сказала, что ей надо закончить универ, да и время не самое подходящее. Я не настаивал.

– Почему?

– Да смысл настаивать, универ так универ, закончит – переедет.

– А если и после этого не переедет? – усмехнулась мама, дожевывая морковь – в обед она ела только овощи.

– Ну, будет жить на улице, – буркнул я, выказывая недовольство вопросом, – не будут же ее родители до смерти содержать.

– Странно, я понимаю, если бы ты к ней просился, это да – не очень, хотя можно было бы пополам скидываться: часть твоя, часть ...

– Мам, хватит, что за бред мы обсуждаем, – перебил ее я, потому что направление разговора мне не очень нравилось, звучало как претензия за глаза. – Пусть универ закончит, потом будет видно, там у них реально жесть какая-то. Маша мне пару тем по матану показывала – у нас такого даже не было.

– Ладно, ешь, я пока котлеты наложу, тебе три? – спросила мама, пропустив мимо ушей мои слова.

Я кивнул в ответ, и она отвернулась к плите.

Больше мы этой теме не касались. С тех пор прошло около полугода, но мама ни разу за это время не спрашивала ничего про Машу, лишь иногда многозначительно уточняла, там же я живу, где до этого, или нет, в контексте того, сколько мне ехать до ее фирменного борща. После того разговора я пробовал закидывать удочку насчет переезда ко мне, но все время леска рвалась на фразе «мне нужно закончить универ», и вскоре эта рыбалка наскучила. Возможно, отказ Маши от переезда и стал тем катализатором паранойи, поглотившей меня полностью. Так вышло, что мама зарыла внутри меня семя сомнения, которое росло вопреки воле, превра-

тившись, в конце концов, в могучее дерево правды. Бывает.

Довольно скоро мимо начали проезжать машины, сигналя, и водители орали матом, видя пешехода на проезжей части, поэтому я перешел на тротуар. Оказалось, что я вышел на Плющиху, довольно оживленную даже ночью, а, значит, рядом Арбат. На Новом Арбате есть три параллельно стоящих уродливых здания, портящих вид, и на одном из них есть выход на крышу, куда мне страшно захотелось пойти. Только бы найти чего-нибудь выпить. Желание напиться росло с каждой секундой, и я свернул во дворы, двигаясь наугад, интуитивно чувствуя, что найду искомое. Спустя пару минут взгляд зацепился за мирных алкашей, стоящих под вывеской «Минимаркет», которая горела блевотно-зеленым цветом. Я понял, что пришел по адресу. Когда я проходил мимо компании отдыхающих элементов, один из них попытался прицепиться, но я показал взглядом, что лучше этого не делать. Внутри магазина было сыровато, пахло разлитым пивом и немного мочой. У прилавка со скучающим выражением лица стояла дородная женщина в синем фартуке, она уперлась всем телом в прилавок и только потому держалась на ногах. Очевидно, она была пьяна. Витрина с алкоголем была не занавешена, как в сетевых магазинах, и перед моими глазами предстал скудный ассортимент алкоголя, ну, если мы не говорим о водке, которая занимала восемьдесят процентов стеллажа. Увидел бутылкупряного «Баллантайса». Решил взять его и пива.

– «Баллантайс» пряный можно, пожалуйста, и три бутылки рязанских «Жигулей».

– Чего-о-о? – почти пропела продавщица. – У нас такого нет. Водку бери.

– За вашей спиной верхняя полка, третья бутылка слева. Жигули возьму из холодильника? – безжизненным голосом произнес я, удивившись сам его холодному звучанию.

– У-у-у, мажор, – бубнила продавщица, пока пыталась достать бутылку с верхней полки. – Пиво сам бери, да. Восемнадцать есть?

– Паспорт показать?

– Я тебе в два ночи алкашку продаю, нахрена мне твой паспорт?

– Тогда зачем спросили возраст?

– Для спокойствия совести.

Она поставила передо мной бутылку. Я рассчитался за виски и пиво, и вышел на улицу.

– Э, парень, отлей пивка, – пошел на меня тот алкаш, который пытался прицепиться в прошлый раз.

– На хуй иди, дебил.

– Чего-о-о? – сказал он уже знакомой интонацией.

– Еще раз говорю, иди на хуй, дебил, – повторил я, не останавливаясь.

К сожалению, на этом стычка закончилась, так как за мной никто не пошел. А жаль, ведь нет ничего лучше, чем выпустить пар на тех, кто больше ни для чего в этой жизни

не нужен. Ну, разве что на выборах голосовать.

Когда алкаши остались далеко позади, я подумал о том, что нарываться на толпу – решение не самое удачное: возможно, одному и удалось бы свет «потушить», но друзья пострадавшего быстренько «потушили» бы его и мне. Повезло, короче. Могло не повезти. Под эту философскую мысль крышка «Жигулей» взмыла над головой, и я сделал первый внушительный глоток, от чего немного поперхнулся и закашлялся, но не остановился, и выпил бутылку, почти как Ельцин на одной международной встрече – меньше чем за минуту. Оставшиеся бутылки гремели в рюкзаке, вынуждая спешить, так как я зарекся сделать следующий глоток уже на крыше.

Через несколько минут я прошмыгнул внутрь здания на Арбате, где офисы соседствовали с жилыми помещениями, и поднялся на лифте до последнего возможного этажа. Чтобы попасть на крышу, необходимо было выйти на пожарную лестницу, что я и сделал, попутно обругав паренька, который ставил тег на стене, словами типа «ну и нахуя ты это делаешь, идиот?», на что малой огрызнулся и побежал к лифту, пряча незакрытый колпачком маркер в карман. Надеюсь, он испачкал куртку необратимо.

Лестница была достаточно крутой, и я тяжело задышал уже на третьем пролете, а чтобы достичь цели, нужно было преодолеть еще четыре. Ветер ощущался намного сильнее, чем внизу, меня продувало, и я немного шатался после пор-

ции пива. Видимо, наслоилось на водку. Наконец, последний пролет был пройден, и я молился всем богам, чтобы на крыше было пусто. Не хотелось ни с кем делить момент неизбежной тоски и уничижительной глупости человеческой жизни. Хотелось, поднявшись наверх, уже новыми глазами, с новым опытом оценить, насколько любой человек ничтожен перед обстоятельствами, насколько от нас ничего не зависит и насколько мы все же глупы, раз пытаемся всеми силами убедить окружающих и себя в обратном. Я подошел к карнизу и сел, перекинув обе ноги в сторону Нового Арбата, которые болтались безжизненно, пока я вытаскивал бутылки из рюкзака. Виски и пиво я взял для того, чтобы напиться по американской системе, которая, как все американское, не является таковой, – естественно, такой способ достижения максимального алкогольного опьянения придумали шотландцы и привезли это знание с собой. Если говорить коротко и по-русски: виски в сочетании с пивом – это как водка с пивом, но от второго тебя разносит моментально, а от первого накрывает постепенно, и в этот момент можно почувствовать небывалую ясность рассудка и душевный подъем и силу.

Глаза защипало, как только я пригубил виски, от количества специй в напитке полились слезы; ощутив соленые капли на лице, я вытер их рукавом, как и раньше, глотнул пива, и приложился к виски уже по-хорошему. Это было похоже на то, как особо ленивые люди во время отключения летом горячей воды моются в холодной: сначала включают душ, по-

том мочат руки, чтобы растереть остатки влаги по груди и ногам, – и вот тогда уже можно мыться. Так было и тут: то, что «Баллантайс» пряный – я помнил, то, что он очень пряный – я знал, поэтому тактика была оптимальной. На третий глоток не было уже ни слез, ни горящего рта – только приятное послевкусие корицы и мутная задумчивость.

В следующие полчаса я мастерски жонглировал бутылками, попутно становясь все более пьяным и все более грустным. Допитая бутылка «Жигулей» полетела через плечо и разбилась вдребезги, от чего меня передернуло. Так разбилась и моя жизнь. Кто-то взял и выпил меня намного быстрее, чем следовало, а потом бросил через плечо, не задумываясь. У меня никого не осталось. Сил вспоминать хорошее не было, и воспоминания ускользали стремительно, обращая в небытие улыбки двух родных людей. И что мне теперь делать? Как просыпаться по утрам, ходить на работу, читать новости, встречаться с друзьями и заниматься всем тем, чем занимаются обычные люди, не отягощенные скоропостижной утратой всего дорогого, что у них было, есть и будет? Как в принципе живут такие люди, а, главное, для чего они живут? Неужели они не понимают, что жизнь – это не то, как ты себя ощущаешь в мире и что в нем делаешь, а то, как тебя наполняют другие люди? Что ты можешь сделать в одиночку? Кому до тебя есть дело, если ты один? Вот тем людям внизу? Брось! Они как не знали о твоём существовании, так и никогда не узнают! Изо дня в день перед нами мелькают

тысячи лиц, которые мы не то что не запоминаем, но даже не имеем времени их запомнить. Люди – это фон, точно такой же, как вот эта крыша, на которой я сижу, как вот это здание напротив, как, черт возьми, снующие внизу машины! Да, фон должен быть статичен, но тогда люди – это декорации твоей жизни, меняющиеся, движущиеся, но это ничего не меняет: они все так же не влияют на твою актерскую игру в непрекращающемся фильме, зрители которого – твои близкие. Они следят за твоими успехами, сопереживают во время неудач и надеются, что в конце фильма будет счастливый конец, и попкорн не кончится на середине сеанса, и свет не включится раньше времени. При этом мы являемся точно такими же зрителями жизни родных, которые снимаются в похожих декорациях. И когда зрители уходят, остается три варианта: либо играть ни для кого, либо смириться с ролью декорации для других, либо сломать себя и перестать декорацией быть. Что из этого более глупо? Я не знаю.

С удивлением я обнаружил, что пиво кончилось, а виски осталось всего треть бутылки. Я встал, чтобы поставить «Жигули» у карниза, так как не хотелось разбивать вторую и погружаться в еще более тоскливые мысли. Вспомнил. Дома, когда напиваюсь, я иногда открываю окно настежь и встаю на подоконник, держась за раму с внутренней стороны, высовываю голову и потихоньку наклоняюсь в сторону улицы. Во-первых, это отрезвляет. Во-вторых, это очень весело – понимать, что одно неосторожное движение приведет тебя к

смерти, но не отступать перед страхом и буквально смеяться смерти в лицо.

Такое же желание возникло у меня и на крыше. Я пробежал десять метров и запрыгнул на карниз, расставив руки в стороны, как каскадер, идущий по веревке между двумя зданиями. Балансировка мне давалась из-за набранных кондиций немного трудно. Я пошел вдоль по карнизу, планируя очертить периметр здания во время прогулки, при этом на-свистывая «ходит дурачок по лесу, ищет дурачок глупее себя...» Летова, но примерно через полминуты остановился. Развернувшись в сторону оживленной трассы, я поднял голову наверх и что есть силы закричал

– Ну и как тебе, сука, происходящее? Доволен, мудака ты кусок, который все это придумал? Что мне теперь делать? Пошел ты!

Последнее я сказал достаточно резко, вытянув руки вверх и показывая небу фак. Нога поехала. Я уже не контролировал тело. Перевалившись через край крыши, я полетел стремительно, понимая, как все это глупо.

Удар пришелся на спину, и это все, что я помню.

И я умер.

На часах было ровно три утра по московскому времени.

Два

«Надела, блять, новые брюки!» – возмущенно крикнула я стремительно проехавшей машине. Было бы что-то под рукой – я бы с удовольствием кинула это в того мудака, который, видя лужу, как будто специально проехал по ней и обдал меня грязной водой. Что не так с этими людьми? Я правда не понимаю, в чем проблема снять ногу с педали газа, если ты видишь лужу и идущего по тротуару человеку. Зачем это все? В чем удовольствие? Чувствовать собственное превосходство и безнаказанность? Не понимаю.

В этот момент чуть сзади раздался сильный хлопок, как будто оборванный мальчишка допил упаковку сока, бросил на асфальт и резко наступил на нее, посмеиваясь над прохожими. Можно было подумать, что он издевается, однако на часах – три ночи, и вряд ли хоть один несовершеннолетний был в этот момент на Арбате. Я резко обернулась. То, что я увидела, повергало в абсолютный шок: на тротуаре лежал человек с пробитой головой, и часть его мозга вытекла на асфальт через дыру в черепе. Руки были очень сильно переломаны, отчего согнулись раза четыре, превратившись в зигзаги с торчащими костями. Кровь стремительно покидала тело, образуя лужу под человеком и вокруг. Это был довольно молодой парень, высокий и большой, не толстый, а именно большой, достаточно просто одетый – узкие джинсы,

вэнсы на голую ногу и джинсовая рубашка. Светлые волосы его с каждой секундой становились все более багровыми. Преодолев внутренний страх, я подошла ближе. Пахло кровью, приятным парфюмом и перегаром. Трясущимися руками я достала телефон и набрала сто двенадцать:

– Здравствуйте! Я вас слушаю.

– Девушка, здравствуйте, – дрожащим голосом произнесла я. – Только что около меня человек, видимо, совершил суицид. Спрыгнул с крыши. Ну, в том плане, что я шла по улице и услышала сзади хлопок, обернулась – лежит человек мертвый.

– Как вас зовут?

– Нина, Нина Устинова.

– Адрес проживания?

– Кутузовский проспект, дом пять дробь три, квартира тридцать семь.

– Номер телефона ваш?

– Да, мой.

– Пострадавший в каком состоянии?

– Девушка, послушайте, я же сказала – он упал с крыши, конечно, он мертвый! – разозлилась я. – У него мозг на тротуар вытекает и крови немерено.

– Понятно, ожидайте, направляю к вам полицию и скорую помощь. Не покидайте, пожалуйста, место происшествия.

– Ладно, – ответила я, и на том конце сразу после этого раздались прерывистые гудки.

«Ну, заебись!» – подумала я, оборачиваясь в сторону трупя. Что может быть лучше, чем посиделки с мертвым на Новом Арбате в три утра, особенно после тяжелого дня. У кого-то он был все-таки потяжелее, не так ли? И что людей побуждает к последнему полету? Мне кажется, я бы ни за что на такое не решилась. Ладно, зарекаться не менее глупо, чем прыгать. Парень, очевидно, был мертвецки пьян. Ха-ха. Три утра, Арбат, сижу около трупя и смеюсь над собственной глупой шуткой. Подумала, что подписчикам бы понравилось. Записала в историю. Через пять минут прочитала десять комментариев о том, что я безнравственная тварь. Ничуть не удивилась. Видимо, я и вправду такая. Нет, не подумайте, лежащий на тротуаре парень в кадр не попал. Просто стало смешно. Через десять минут приехала полиция и накрыла умершего черным плотным полиэтиленом, перед этим зафиксировав с моих слов время смерти. Еще через пару минут приехала скорая, погрузила парня на носилки и затолкала внутрь машины. Врач крикнул: «Антоха, мертвец на палубе!». И засмеялся. Видимо, я не одна такая. Двери скорой захлопнулись, и машина быстро скрылась из виду. Полицейские все не уезжали, и один из них подошел ко мне, чтобы записать показания и заполнить какое-то заявление о следственной проверке. Я в подробности не вдавалась, и рассказала все то, что говорила оператору экстренной помощи. Полицейский записал еще раз мои контактные данные и предложил подвезти, так как до их подразделения надо было

ехать через проспект. Я согласилась, и поэтому через пять минут уже заходила в подъезд. Зайдя домой и переодевшись, я налила вина и плюхнулась в объятия дивана. Взгляд мой судорожно ходил по комнате и остановился на окне, в котором виднелась бывшая гостиница «Украина», она переливалась из-за подсветки и выглядела еще более грандиозно, чем обычно. Выпив залпом бокал, я двинула на кухню за вторым, попутно включая телевизор. На «Диснее» крутили «Гравити Фолз», мой любимый мультик, кстати, и я залипла на полчаса или около того. Хорошо, когда с утра не нужно идти на работу и нет запланированных встреч, можно сидеть хоть до рассвета и тупеть, глядя в цветной прямоугольник и поливая уставшую душу слабым ядом. Делать не хотелось абсолютно ничего, да и, собственно, что можно делать в такое время.

Прошедший день был очень продуктивным: я взяла на работу монтажера и редактора, и теперь мне не нужно в ночи обрабатывать отснятый материал или собирать информацию для новых роликов; после встречи с ними я поехала на радио, название которого даже не помню, потому что только за последнюю неделю я дала штук пять интервью; там мы поговорили о глобализации русского сегмента ютуба и о поиске актуальных тем для создания постоянного контента. Какая же тупая тема, а. Я сказала во время него шаблонных фраз в духе «мы должны интегрироваться с тематическими площадками и генерировать виральный контент для увеличения популярности» столько, сколько не произвела за все время

учебы в универе. Под вечер встретились с подружкой и очень душевно посидели в ресторане: ее бросил парень, а я утешала ее, как могла; хотела бы сказать при этом, что парень бросил ее из-за меня, ну, знаете для острого сюжета, но нет, хотя я бы не отказалась, парень у нее ничего был, жаль, что расстались. И вот под конец дня такое дерьмо. Причем это первый человек, которого я видела мертвым. Ощущения очень странные: почему-то ты не можешь почувствовать горечь из-за чужого горя, вид окровавленных конечностей не заставляет упасть во внезапный обморок, не чувствуешь ни сожаления, ни утраты, а главное, почему-то не приходит мысль, что с тобой это тоже когда-то произойдет. Причем, знаете, я всегда думала, что именно такие мысли возникают у человека при виде трупа, то есть, вот лежит труп, а ты такой «и я когда-нибудь буду выглядеть так». Самое неприятное, что ты думаешь об этом, когда читаешь о падении очередного самолета, когда смотришь нарезки ДТП со смертельным исходом, да и в принципе, когда понимаешь, что новость, абсолютно любая, так или иначе завязана на смерти, хоть буквально, хоть метафорически, потому что новость, потому что старого больше нет, а есть новое, и теперь об этом знает весь мир. В общем, ничего такого я не испытала. Возможно, выгляди человек менее изувеченным, я бы смогла проассоциировать себя с ним, но вот как-то не получилось. Странно все это.

«Что? Звонок в четыре утра? И кто это такой умный?» – подумала я, когда в комнате заиграла мелодия из «Острова

сокровищ». Ну, знаете, та самая, песня о мальчике Бобби, где «Деньги-деньги-дребеденьги, позабыв покой и лень, делаем деньги, делаем деньги, а остальное все дребе-бе-день!». Очень люблю этот рингтон, моя любовь и моя гордость. Он такой смешной. Приезжаю на встречи и специально звук на телефоне не выключаю, чтобы собеседник услышал это и понял, каким бредом мы все занимаемся. Номер не отобразился, поэтому я сбросила. Через тридцать секунд все повторилось. На третий раз я не выдержала и нажала на зеленую кнопку с трубкой.

– Вы время видели? – буркнула я.

– Нина Устинова? Вы сегодня звонили по поводу самоубийцы...

– Я же уже все сказала и вашей коллеге при вызове, и полицейским, которые оформляли! Что вам еще от меня надо? Я сплю, до свидания! – почти прокричала я и со всего маху кинула телефон на диван. Какая наглость звонить человеку в четыре утра!

Через тридцать секунд звонок раздался еще раз, я, пытаясь успокоиться и надеясь, что на другом конце девушка устанет слушать гудки, пропела песенку почти до конца. Телефон не умолкал. Я ответила.

– Девушка, дослушайте, пожалуйста, до конца... Мне самой неловко об этом говорить, я даже не знаю, как сказать, дурдом какой-то...

Девушка была крайне взволнована, часто сбивалась, и мне

стало интересно, что же такого важного она хочет мне сказать в четыре утра.

– Так говорите.

– В общем, не думайте, что это шутка, я правда не знаю, как это произошло, если что, я дежурный врач больницы, куда его доставили, и я уверена в своих словах на сто процентов...

– Вы пока до сути дойдете, солнце окажется в зените, – немного посмеиваясь, прервала ее я.

– Когда его привезли, коллеги подтвердили мне мгновенную смерть прибывшего, однако сейчас он жив, правда, очень пьян...

– Понятно, всего хорошего, – смеясь уже во весь голос, ответила я и бросила трубку.

«Нет, ну, это точно чья-то шутка, сто процентов», – подумала я. Возможно, и сам труп был ненастоящий. Я же к нему не прикасалась! Наверное, друзья пошутили. Это в духе Симаченко, например. Потом на свой канал зальет видео, как развел Нину Устинову, сука! Правда, почти сразу в Whats App пришло сообщение, которое заставило меня перестать смеяться. Незнакомый номер. На фото в профиле – женщина средних лет в халате. Само сообщение – видео. Когда оно прогрузилось, я ужаснулась.

– Молодой человек, представьтесь, пожалуйста, – произнес знакомый по разговору ранее голос за кадром.

– Витя.

– Полное имя.

– Виктор, – ответил парень в джинсовой рубашке, очень пьяный и очень от этого смешной. На нем не было ни царапины.

– Фамилия у Виктора есть?

– А как же.

– Ну, и какая?

– Игнатъев.

– Отлично, Виктор Игнатъев, что последнее вы помните?

– Ну, я пил на крыше... На Арбате... А теперь... тут сижу... кстати, что я тут... делаю? – сказал Виктор, икая почти через каждое слово. Сидеть ему было необычайно сложно, он то и дело валился влево.

– Понятно.

На этом видео кончилось. Тут же я начала строчить сообщение этой женщине, чтобы узнать, куда подъехать. В голове не укладывалось, как такое возможно? Я видела своими глазами разбитый череп, сломанные руки, лужу крови, а теперь этот парень сидит целый и невредимый? Невозможно. Тупая шутка. Но поехать все равно стоит, как минимум для того, чтобы все это прекратить и дать по морде тому, кто это придумал. Дежурный врач написала, что ждет меня в Городской клинической больнице номер пятьдесят один. Я собралась буквально за минуту, вызвала такси и поехала туда.

Три

Я проснулся из-за дикой головной боли. Все тело стонало и ныло, я не мог ни двигаться, ни говорить. Даже открыть глаза было огромной проблемой: веки были такими тяжелыми, что хотелось стать Вием. Через некоторое время мне все-таки удалось их поднять, и я увидел черный потолок с вмонтированными в него светодиодами, расположенными в форме Медведицы, какой именно не знаю, и понять это было невозможно, потому как лампы не горели. Такого потолка в моей жизни еще не было. Странно. Я пытался вспомнить, что происходило вчера, но давалось это с большим трудом: обрывки памяти всплывали перед глазами и ускользали так же стремительно, как появлялись. Громом среди ясного неба пронеслось в голове: «Мама погибла», – и я потерял глаза, пытаюсь понять, точно ли я не сплю. Вроде нет. Я мог бы предположить, что вчерашний роковой случай был всего лишь дурным сном, если бы надо мной утром навис другой потолок, белый, с минималистичной люстрой и лампой накаливания, но это был не он. Сзади послышался грохот, и я предпринял огромные усилия, чтобы перевернуться на правый бок, а после – выглянуть из-за спинки дивана.

На кухне просторной квартиры-студии стояла невысокая девушка и материлась на сковородку, выпавшую из подвешного шкафчика, и, похоже, ударившую ее по голове. Не все

слова, которые девушка произнесла, я слышал ранее, и это было очень забавно.

– О, проснулся, суицидник, – сказала девушка, обернувшись после того, как поставила сковородку на плиту. – Есть будешь?

Я не понимал, о чем она говорит.

– Суицидник? С чего это вдруг?

– Ну, ты, как бы это сказать, умер вчера.

– А как я тогда с тобой разговариваю?

– Кто бы знал! Надеюсь, скоро все прояснится.

И тут я вспомнил, что происходило после того, как я узнал о смерти мамы. Вспомнил поездку со следователями, вспомнил, как купил виски и пиво, вспомнил, наконец, крышу на Новом Арбате и последнюю секунду жизни, собственно, тоже вспомнил.

– Ну, так что, есть будешь? Я яичницу делаю, тебе тоже могу пожарить.

– Давай, – отмахнулся я. – Слушай, это, конечно, все очень странно, но почему я тут? Я же умер. Вот ты сказала – и я вспомнил, как оступился и упал с крыши, значит, я мертв. Как я тогда разговариваю сейчас с тобой? Может, это плод моего, ну, как сказать, предсмертного воображения, и я в последнюю секунду спроецировал дальнейшую жизнь? Такой самообман мозга перед смертью?

– Хуевое у тебя воображение, если мозг спроецировал меня, – усмехнулась девушка и отвернулась к плите.

Я кое-как встал на ноги, потянулся на месте пару раз к потолку, громко зевнул и направился в ванную, не спрашивая разрешения у хозяйки. В ванной я включил воду в раковине и уставился в расписанное белыми линиями зеркало. Лицо, конечно, помятое, но жить можно. Ни синяков, ни ссадин, типичное лицо после попойки, ни больше, ни меньше. Наскоро умывшись и прополоснув рот зубной пастой хозяйки, я вышел обратно в жилую зону, где уже повсюду стоял запах немного подгоревшей яичницы, но не так подгоревшей, что есть противно, а именно до образования твердой золотистой корочки.

– И как ты с крыши упал? – поинтересовалась девушка, пока я садился напротив нее за круглый стол. Только в этот момент я заметил, что расхаживаю по квартире в трусах и футболке, причем не в своей.

– Шел по карнизу и сорвался. Приятного аппетита, кстати, – безэмоционально ответил я.

– Спасибо, – отмахнулась она. – И все же, что ты там делал?

– Пил.

– Ого, а я по запаху перегара не заметила.

– Очень смешно. Я не очень хочу разговаривать об этом непонятно с кем.

– Я Нина, очень приятно, и, если что, сегодня ночью я забирала твое пьянующее тело из морга, так что теперь я понятно кто, а вот кто ты – нет.

– А я, видимо, единственный бессмертный, – с ухмылкой сказал я, прожевав кусок яичницы.

– Не такой уж и единственный.

– В каком смысле?

Нина положила тарелку в раковину, а после направилась к темно-серому пуфу, где лежал пульт.

– Ну, сейчас это тебе попробует объяснить кто-то из телевизора.

Спустя пару минут она нашла какие-то новости, где диктор в темном костюме-тройке с красным галстуком зачитывал то, что не укладывалось в голове: «Сегодня, начиная с трех часов утра по московскому времени, со всего мира приходят сообщения о невероятных событиях: государственные органы всех признанных стран фиксируют чудесное воскрешение людей, умирающих насильственно. Что касается ненасильственных смертей – собранных данных пока недостаточно, однако, по данным Министерства здравоохранения, случаев воскрешения таких людей зафиксировано не было. Стоит отметить, что некоторые из выживших самоубийц, в частности, Скотт Фердинг, тридцатисемилетний инженер из Новой Зеландии, потерявший всю семью в дорожно-транспортном происшествии год назад, решились на повторное самоубийство. Врачи сейчас наблюдают его и всех подобных пациентов по всему миру, однако медики высказывают предположение, что повторное воскрешение не произойдет. В связи с вышесказанным, на территории России,

Соединенных Штатов Америки и Евросоюза введено чрезвычайное положение. Главы государств пока отказываются от комментариев до получения полной картины происходящего, а глава ООН, в свою очередь, заявил о необходимости проведения экстренного совещания и пригласил все включенные в организацию страны к обсуждению данного вопроса. Ожидается, что встреча состоится завтра, и на ней будут подняты вопросы психологической помощи пострадавшим. Кроме этого, глава ООН обеспокоен тем, что в сложившейся ситуации вопрос безопасности граждан может встать достаточно остро. Мы следим за развитием событий, и будем передавать актуальную информацию в режиме реального времени, как только она появится».

– Видишь, ты не один такой, – сказала Нина после того, как экстренный выпуск закончился.

– Охуеть, – только и смог произнести я.

Голова разрывалась, и происходящее не укладывалось в голове. «Как это возможно? Я видел мертвых и видел, как люди умирают. Я умер сам, а теперь получается, что мне крупно повезло, повезло чуть больше, чем остальным? Но почему я? Почему именно с трех утра? Не понимаю», – я начал думать безостановочно, перебирая все возможные варианты, но не мог понять, в чем причина произошедшего.

– Так, расскажи мне, почему ты решил пить на крыше? – спросила Нина

Ей не терпелось докопаться до правды.

– Вчера я увидел свою девушку с другим, и в этот момент...

– Переклинило, и ты разбил ему морду, а потом раскаялся? – засмеялась она.

– ...Мне позвонил «мент» и сказал, что мама погибла.

– Как?

– Вчера о взрыве ничего не было в новостях?

– В «Сбере» на Ленинском? Было что-то. Там же всего три погибших, – нахмурилась Нина, не отрывая от меня взгляда.

– Ну, вот одна из них – моя мама.

– Мне жаль.

– Мне тоже.

– Когда похороны?

– Там нечего хоронить, – ответил я и вышел в ванную.

Меня трясло, я не контролировал свое тело. Руки ходили ходуном, пришлось прижать их к бедрам, чтобы унять чудовищный тремор. Я смотрел в зеркало и ничего не видел. Меня как будто не было в отражении, как будто я стал призраком, ведь я умер, и теперь живет лишь моя копия, набросок, последнее сохранение в чьей-то игре, которое сделано не вовремя, после поражения в схватке, когда у героя на исходе силы и ему нужен отдых или же смерть и новое рождение. Да, я родился заново. У меня все те же руки, ноги, все то же несуразное тело и туповатое выражение лица, но старого меня уже больше нет, он остался на Арбате, изувеченный, жалкий и пьяный. Но я не хотел этой смерти. Я не хочу быть

новым. Я не хочу жить так, как будто ничего не случилось. Не хочу. Не хочу. Не хочу!

Я схватил розовую бритву и снова посмотрел в зеркало. На секунду мне показалось, что изображение в зеркале вновь появилось, там был я, но это не было отражением: человек в зеркале улыбался, а напоследок подмигнул, после чего пропал из овала. Я посмотрел на бритву и подумал, что не знаю, что резать. В этот момент в ванную влетела Нина и выбила бритву ногой.

– Ты ебанат что ли? Ты что делаешь? Долбоеб, блять! Тебе подарили второй шанс, а ты, сука, даже первого не заслуживаешь!

– Я не хотел...

– Что ты не хотел? Резаться не хотел? А бритва просто так у тебя в руке оказалась? Прилетела, блять, в голубом вертолете и села прямо в руку, так?

– Нет. Послушай, если ты перестанешь орать и материться, я расскажу тебе подробно все, что со мной произошло со вчерашнего вечера до этой секунды, – я говорил абсолютно спокойно, чему удивился сам, хотя буквально минуту назад был готов перерезать себя все что угодно, лишь бы умереть. Я не могу объяснить случившееся в ванной рационально, но это было похоже на гипноз: когда я забежал туда, я не контролировал тело, и, видимо, мысли тоже, и поэтому пытался совершить глупость.

Мы вернулись в комнату и сели на пуфы друг напротив

друга. Пока я рассказывал все то, что со мной произошло за последние двадцать четыре часа, Нина не отрывала от меня глаз. Не уверен, моргала ли она в это время вообще, – ее прямо затащило в описываемый водоворот событий, и она боялась сказать неточное слово или дать неверную реакцию на мои фразы, чтобы не сбить меня с толку. Чувствовалось, что ей почему-то близки переживания других людей. Молчанием и понимающим взглядом она располагала к себе почти как опытный интервьюер, который делает материал с малоприятным человеком. Я ощущал, что Нина не очень верит в то, что я упал с крыши случайно, слишком уж это похоже на попытку суицида, но даже в этом она сдерживалась и не выказывала осуждения.

– И что ты собираешься теперь делать? – спросила Нина после того, как я закончил говорить о случайно пережитом дне.

– Честно, не знаю, постараюсь не афишировать случившееся и жить обычной жизнью, если получится, конечно.

– Жаль. А то у меня к тебе предложение было.

– Какое? – нахмурился я, после чего перевалился на левый бок, чтобы поближе придвинуться к Нине.

– Какая разница, если ты собираешься скрывать, что умер и воскрес?

– Как же тупо звучит. Как будто я Иисус или что-то вроде того.

– Именно, что как Иисус.

– Так о чем речь?

– У меня канал на Ютубе, почти полмиллиона подписчиков, он такой, обзорно-аналитический, интервью там, сюжеты на живые темы и все такое прочее.

– Ну и?

– Пока ты спал, у меня было желание тебя разбудить и прямо ночью записать с тобой вью, озаглавить его «первый русский воскрес», ну, и поспрашивать тебя обо всем, что случилось. Получается, ты сам рассказал уже все.

– Если ты скажешь, что ты все писала, я тебя убью.

– Я воскресну, так что нет смысла, – засмеялась Нина, и встала с пуфа для того, чтобы поставить чайник. – Кофе?

– Давай. Но ты ведь не могла писать – камер и петличек я что-то не наблюдаю.

– Птица-Говорун отличается умом и сообразительностью, умом и сообразительностью, – спародировала Нина речь Птицы-Говоруна из «Тайны третьей планеты». Кстати, получилось один в один. Выглядело смешно.

Пока я сидел у Нины, создавалось ощущение, что я знаю ее тысячу лет – даже шутила она примерно как я с немногочисленными друзьями, использовала те же словечки, что и я, хотя, возможно, она просто быстро подстроилась под мой стиль общения, что выдает в ней настоящего профи в своем деле. Мне было спокойно. Я почти не думал о всем плохом, что произошло вчера, и даже когда рассказывал последовательно о случившемся, не испытывал никаких эмоций, как

будто все это произошло не со мной, а с героем фильма, и я просто пересказываю сюжет недавно посмотренного кино подруге, которая фильм не смотрела, причем на спойлеры она почему-то не обижается, а просит рассказать сюжет во всех деталях.

Нина заварила кофе нам обоим, принесла мне чашку и снова села напротив. Мы молчали. Наконец, я смог детально рассмотреть лицо Нины, и оно меня поразило. Вот знаете, есть девушки, которые наносят очень много косметики, но при этом выглядят достаточно естественно, потом смывают ее, и ты такой «Боже, что я сейчас увидел!». Ну, в смысле, не очень они без косметики. У Нины было наоборот: передо мной сидела абсолютно ненакрашенная девушка. Конечно, странно было бы увидеть ее при параде утром, но все же, при всем при этом у нее были такие яркие и красивые черты лица, что нанесение косметики на такое произведение природы можно считать смертным грехом. Тонкий прямой нос, большие глаза с длинными ресницами, прямой лоб, большие ярко-красные губы, милые веснушки, – она была очень красива. От такой красоты испытываешь не вожделе-ние, а благоговейный трепет. В сочетании с худым телом и достаточно женственными формами, ее лицо создавало ощущение рядом находящейся идеальности. Возможно, кто-то бы посчитал ее внешность детской, но тут извините: все мои девушки были ниже ста шестидесяти сантиметров и выглядели похоже. Нина – не исключение, она была очень похо-

жа на Машу, но выглядела привлекательнее. Я немного загорелся, но внутри сидела мысль о бывшей и том, что я всегда все порчу, поэтому лучше не ввязываться в отношения боле, но я решил, что дам себе шанс, и согласился записать с Ниной ролик, чтобы продлить наше общение. Внутренне я понимал, что это не совсем верный шаг, что, возможно, я погорячился, но, с другой стороны, мысль о том, что я вот сейчас приеду к себе домой, сяду на диване и упрусь взглядом в стену или напьюсь до животного иступления, давила очень сильно. К тому же, нужно было отвлечься. Оставаться наедине с собой в тот момент было не столько глупостью, сколько смертельной опасностью, я не был уверен в том, что смогу продолжить жизнь как ни в чем не бывало, поэтому решился на такой шаг. Знаете, когда за одним плечом стоит демон благонравия и шепчет, что неправильно веселиться в момент тяжелой утраты, а с другой тебе шепчут о том, что жизнь кончена, приходится выбирать из двух зол меньшее, и жизненный опыт говорил о том, что любые действия лучше смирения.

В общем, я согласился повторить свою историю на камеру. Нина этому очень обрадовалась и сразу засуетилась. Нет, ну серьезно, через час после моего согласия я уже примеривал новую одежду в ванной и выходил к Нине, как на подиум. Что я в итоге выбрал? Да все то же самое, в чем и был. Правда новые вещи были в три раза дороже. Оплачивал не я. Неловкая ситуация, если честно.

Было немного волнительно. Пару раз в жизни я давал интервью, но это не шло дальше местного телевидения, а тут у Нины – большая аудитория, куча комментаторов с критическим мышлением и все такое. Я боялся, что выражусь как-то не так, и меня засмеют в комментариях. Причем я никогда не понимал, как справляются с огромным количеством негатива в свой адрес. Для меня дизлайк под кавером на сплин – это уже приговор, и весь день я могу злиться на человека, ткнувшего на кнопку с пальцем вниз а селебрити получают тысячи дизлайков и не подают виду. Наверное, с ростом популярности стирается желание быть классным для всех, и цифры перестают быть существенными, когда ты получаешь деньги, занимаясь любимым делом и претворяя в жизнь мечты тысяч людей, но я же не звезда, чтобы ко всему этому так относиться. Пока мы ехали, я посмотрел мельком пару видео и в целом полистал канал, не найдя при этом хоть что-нибудь стоящее. Вся затея начала казаться мне бессмысленной, но отступить было некуда, потому как я не из тех людей, кто говорит «мое слово, хочу – даю, хочу – обратно возьму». Раз согласился, надо идти до конца.

Вечерело, и мы приехали на место съемки. Меня удивило то, как быстро налажен процесс у Нины: буквально час-полтора назад она позвонила оператору, а когда мы приехали, съемочная группа была в сборе, и зал готов для работы. Зал, кстати был довольно аскетичный: кирпичные стены напоминали о типичных лофтах, в окна бил естественный свет

с улицы, поэтому лампы были выключены, два кресла стояли друг напротив друга, – все это было похоже на интервью у Дудя, только я не медиа-персона, напротив – не лучший интервьюер страны, однако мандраж у меня был такой же, как у многих молодых звезд, ставших героями его канала. В горле пересохло, и я направился к кулеру, чтобы попить воды. В этот момент в зал зашла Нина, она что-то перечитывала в телефоне и судорожно бубнила под нос. Я налил воды и вернулся со стаканом к креслам, обитым бархатной оранжевой тканью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.